ния. Так и остается непонятным, что имеет в виду автор под «каббалой», «каббалистической аллегорией». В книге часто говорится о некоей «алхимико-каббалистической традиции», однако не объясняется, что это такое. На наш взгляд, это явление, если оно вообще существует, явно имеет слабое отношение к еврейской каббале как таковой. Как нам кажется, намного удачнее было бы дать этой книге более общее название: «Оккультизм (или оккультная аллегория) в русской литературе». Очевидно также, что после некоторой переработки книгу Марины Аптекман имело бы смысл издать по-русски в России: поднятые автором вопросы, безусловно, будут с интересом восприняты русским читателем, вызовут споры, возражения, а, возможно, и инициируют научную дискуссию по поводу этой темы, незаслуженно пребывающей до сих пор в почти мистическом сокрытии.

К. Бурмистров

Кондаков Ю. Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. Санкт-Петербург: МП Астерион, 2012. — 616 с.

Русское розенкрейцерство последней трети XVIII — первой половины XIX в., представлявшее собой эзотерическое сообщество, в основе которого лежали отчасти алхимические, отчасти масонские традиции, всегда привлекало к себе внимание как зарубежных, так и отечественных историков. Особенно интерес к этому явлению возрос в конце XX — начале XXI в. Как следствие, русскому розенкрейцерству сегодня посвящено множество научных, околонаучных и псевдонаучных работ.

Особое место в этом историографическом потоке занимает книга доктора исторических наук Ю. Е. Кондакова «Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук», которая, по словам самого автора, является «первым комплексным исследованием, посвященным деятельности Ордена золотого и розового креста в России» и тематическим продолжением его предыдущих работ — «Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века» и «Розенкрейцеры, мартинисты и „внутренние христиане“ в России конца XVIII — первой четверти

XIX века»[2]. На этот раз Кондаков, «опираясь на опубликованные работы и архивные материалы», решил «осветить историю учреждения в России Ордена золотого и розового креста», «разобрать его административное и „ритуальное“ устройство» и «проследить, как орденские структуры развивались в России на протяжении XVIII–XIX веков», а также «выявить состав Ордена и его отношения с масонскими ложами других систем, духовной и светской властью» (с. 15).

Книга состоит из введения, трех глав, заключения, а также приложения и представляет собой труд более чем солидного объема (616 с.). В связи с этим в качестве общего замечания хотелось бы в первую очередь сказать о том, что эту работу можно было бы вполне освободить от некоторых необязательных, с нашей точки зрения, рассуждений и материалов, а также от встречающихся в ней досадных повторов. Так, перегруженными и трудно читаемыми показались главы об истории розенкрейцерства в России, в которых автор излишне много внимания уделяет цитированию хорошо известных, опубликованных источников, но при этом почти ничего не говорит об общественно-просветительской деятельности розенкрейцеров, без описания которой невозможно представить истинные масштабы их влияния на общественно-политическую и культурную жизнь российского общества и понять причины отрицательного отношения к ним государственной власти. Кроме того, в научном издании нелишними были бы именной и предметный указатели, а также библиография по теме исследования.

Первая глава книги посвящена «общим вопросам устройства и учения Ордена золотого и розового креста». Она начинается историографическим очерком, который, к сожалению, отличается неполнотой, крайней фрагментарностью и отсутствием логической последовательности в изложении материала. По непонятным причинам Кондаков упустил целый ряд важных научных работ, что, несомненно, обеднило его исследование. Например, он проигнорировал статьи Ю. М. Лотмана об А. М. Кутузове с публикацией его писем к И. П. Тургеневу[3]; Н. Д. Кочет-

2. *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005; Кондаков Ю. Е. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII — первой четверти XIX века. СПб., 2011.

3. *Лотман Ю. М.* «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его

ковой об идейно-литературных позициях масонов и Н. М. Карамзина, отношении Екатерины II к масонам[4]; В. А. Западова о правительственном преследовании Н. И. Новикова[5]; Ю. В. Стенника об отношении масонства к православию[6]; а также публикации архивных материалов, содержащие важные документы, в том числе и по рассматриваемым Кондаковым темам. При этом среди огромного числа исследователей русского масонства и розенкрейцерства, рассмотренных в историографической части монографии, только немногие (например, Ренко Д. Гефарт, В. С. Брачев и Ю. Л. Халтурин) получили положительную оценку. К большинству своих предшественников Кондаков предъявляет крайне суровые и не всегда справедливые претензии и нарочито выпячивает допущенные ими ошибки, недоразумения и неточности. Так, по его мнению, фундаментальный труд М. Н. Лонгинова — это всего лишь «прекрасное пособие для поверхностного знакомства с историей российского масонства»; В. Н. Тукалевский, предложивший оригинальную типологию направлений в русском розенкрейцерстве, оказывается, «не вносил ничего нового в изучаемый предмет, базируясь на работах предшественников»; а прекрасная в исследовательском плане работа Я. Л. Барскова — «поверхностна и тенденциозна».

В результате вместо хронологически и логически последовательного изложения связанных друг с другом историографических фактов, рассмотрения движения научной мысли с точки зрения смены концепций, взглядов, идей и выявления основных тенденций развития изучаемой проблемы Кондаков просто ограничился перечислением того, кто и сколько раз из отечественных и зарубежных исследователей допускал ошибки и неточности. Подоб-

письма к И. П. Тургеневу // Ученые записки Тартуского университета. 1963. Вып. 139. С. 293–294.

4. *Кочеткова Н. Д.* Идейно-литературные позиции масонов 80–90-х гг. XVIII в. и Н. М. Карамзин // XVIII в. Вып. 6. Русская литература XVIII в. Эпоха классицизма. М., Л., 1964. С. 176–196; *Кочеткова Н. Д.* Екатерина II и масоны // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г./Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб: СПбНЦ, 1996. С. 142–144.

5. *Западов В. А.* К истории правительственного преследования Н. И. Новикова // XVIII век. Сборник 11. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 37–48.

6. *Стенник Ю. В.* Православие и масонство в России XVIII века (к постановке проблемы) // Русская литература. 1995. № 1. С. 76–92.

ный подход вполне позволяет поставить вопрос о научной корректности автора рецензируемой книги, по сути, претендующего не только на глобальность (или комплексность), но и на исключительность своего исследования.

В то же время новая работа Ю. Е. Кондакова базируется на обширной источниковой базе, состоящей из официальных розенкрейцерских документов, источников личного происхождения, масонской розенкрейцерской литературы и проч. Крайне интересны и познавательны многочисленные неопубликованные материалы, в поисках которых автор проработал огромное количество фондов в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Он, без всяких преувеличений, изучил очень много архивных документов, некоторые из которых впервые вводит в научный оборот. Исследователи будут, бесспорно, благодарны Кондакову за анализ и обширное цитирование одного из важнейших документов Ордена «Сильное увещевание»; за сообщение П. И. Шварца о конфликте Н. И. Новикова и И. А. Поздеева (с. 322–324); за публикацию «Теоретического градуса» с ценной и содержательной вводной статьей (с. 551–615), хотя, к сожалению, без комментариев.

Тем обиднее, что Кондаков по странному недосмотру игнорирует не только отдельные важные источники, в том числе опубликованные и введенные в научный оборот, но и целые архивные коллекции — например, Н. Н. Николева в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Подобный избирательный подход трудно назвать научным. Кроме того, без всяких на то оснований он относит к источникам по истории масонства и розенкрейцерства документы, которые к этой истории не имеют ни малейшего отношения — например, материалы архивного дела № 2483 в фонде № 1374 РГИА под названием «Исполнение указа о закрытии нескольких цеховых сообществ (клубов)» (с. 67). При этом правильное название этого дела — «Переписка с губернаторами об исполнении Высоч [айшего] повеления относительно закрытия мещанских цеховых собраний (клубов)».

Далее, в параграфе «История и учение Ордена золотого и розового креста» Кондаков по собственному признанию дал «далеко не полный обзор истории и учения Ордена золотого и розового креста», полагая, что этого будет достаточно «для восприятия основного материала книги» (с. 128). С этим, однако, невозможно согласить-

ся, так как вместо реконструкции учения розенкрейцеров, предложивших оригинальную алхимическую интерпретацию христианского вероучения, Кондаков дает читателю простую подборку цитат из так называемых «догматических произведений розенкрейцеров» («Сильное увещевание», «Пастырское послание» и др.), из чтения которых складывается весьма поверхностное и, в конце концов, просто неверное представление о розенкрейцерском учении.

Зато параграфы «Розенкрейцерский устав» и «Управление Ордена золотого и розового креста» вносят несомненный и бесспорный вклад в изучение русского розенкрейцерства как «системы высших степеней». Автор подробно, с опорой на источники описывает розенкрейцерские работы в каждой степени посвящения и впервые в достаточно полной мере реконструирует «жесткую вертикальную» структуру управления Орденом.

Особое внимание в своей книге Кондаков уделяет истории Ордена золотого и розового креста в России в XVIII–XIX вв. При этом он демонстрирует невероятную смелость, пересматривая большинство традиционных точек зрения и создавая многочисленные, но порой просто фантастические исторические гипотезы, доказательная база которых, несмотря на использование внушительного количества опубликованных и архивных материалов, не выдерживает критики.

Так, чрезмерно смелым и необоснованным следует признать утверждение Кондакова о том, что «исследователи обычно не связывали основание ложи „Гармония“» с Вильгельмсбадским конвентом «по той причине, что эти события разделяли два года» (с. 217–218). Однако еще Н. П. Киселев указывал, что ложа «Гармония» «имела официальною целью — заручиться покровительством герцога Фердинанда и подготовить почву для признания России самостоятельною провинцией масонского ордена; неофициальною и важнейшей — искание „истинного масонства“».

Недостаточно аргументированными и, скорее всего, ошибочными представляются утверждения Кондакова, относящиеся к истории розенкрейцерства в России, а именно о том, что А. А. Ленивцев, покинувший в начале XIX века орден розенкрейцеров, продолжал «внедрять орденское учение в окружении Александра I» (с. 317) — ибо в это время он ориентировался на мистико-апокалиптическое учение общества Нового Израиля, ко-

торое представляло своеобразную смесь сведенборгианства, католицизма и оккультных наук, к которым были добавлены почитание Девы Марии как четвертой ипостаси Божией и Афанасьевский символ веры, а отдельные члены изучали и практиковали ренессансную алхимию, александрийскую теургию, герметизм, нумерологию и духовно-мистическую интерпретацию сновидений[7]; что в 1800–1801 гг. «конфликт в среде розенкрейцеров возник по поводу прав на открытие лож „теоретического градуса“» (с. 340) — ибо по данным источников, в том числе приводимых самим автором, на этом этапе конфликт касался, вероятнее всего, прав на управление иоанновскими ложами; что «письмо 20 января 1802 года заставляет предположить, что Н. И. Новиков вынужден был смириться с властью И. А. Поздеева» (с. 342), — ибо в данном письме идет речь не о назначении П. Г. Беляева главным надзирателем Теоретического градуса в Санкт-Петербурге, а о новом начальнике по службе А. Ф. Лабзина; что «масонские учреждения А. Ф. Лабзина (ложи Умирающего сфинкса, Вифлием, Теоретического градуса) были в „полной зависимости от Н. И. Новикова“ (с. 401), — ибо в это время А. Ф. Лабзин действовал самостоятельно, о чем свидетельствует, например, его переписка с Д. П. Руничем.

Порой же стремление автора пересмотреть концепции предшественников и, в конце концов, поразить читателя оригинальными идеями играет с ним просто злую шутку. Так, излишне смелым, а главное, ничем не доказанным и неоправданным представляется нам утверждение Кондакова о том, что Н. Н. Трубецкой в начале 1790-х гг. передал И. А. Поздееву пост гауптдиректора (с. 321–322). Необходимых в данном случае документальных подтверждений автор не приводит, ограничиваясь предположительными реконструкциями на основе весьма тенденциозно подобранных фактов. Попытка же «однозначно доказать» свой тезис с помощью весьма остроумной, но совершенно ненаучной «атрибутики термина… „хозяин“» (именно так, по мнению Кондакова, розенкрейцеры — Н. И. Новиков, М. Ю. Виельгорский, С. С. Ланской — называли И. А. Поздеева) выглядит в лучшем случае странно.

Продолжая в том же духе, я мог бы указать еще на большое количество недостатков рецензируемой работы и дать

7. Harrison, J. F. C. (1979) *The Second Coming. Popular Millenarianism 1780–1850,* p. 70. London: Routledge & Kegan Paul.

ей еще больше отрицательных оценок. Однако, чтобы не показаться предвзятым, замечу, что в исторической части своей книги Кондаков дал аргументированное объяснение силануму 1784 г., который, по его мнению, был связан «с отказом розенкрейцеров соблюдать решения Вильгельмсбадского конвента» и работать по актам «исправленного шотландского обряда». Соответственно, делает вполне обоснованный вывод Кондаков, «на составление и введение новых актов и было отведено время силанума» (с. 241). Кроме того, Кондаков аргументированно доказал, что руководителем алхимических работ А. М. Кутузова был не барон Шредер, а один из старейших членов ордена Франциск Дю Боск (с. 260–262).

Завершая эту рецензию, хочу обратить внимание на то, что в целом по прочтении книги Ю. Е. Кондакова создается весьма устойчивое впечатление, что перед нами вовсе не «исчерпывающее исследование» русского розенкрейцерства, которое «подводит итог многолетнего изучения эзотерического масонства», и даже не научная монография, а в лучшем случае материалы для такого исследования, которое, надеюсь, в скором времени появится в нашей исторической науке.

В. Кучурин